

«БЫТЬ НА СЛУЖБЕ КОРОЛЯ...»: К ОБРАЗУ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРА XVII СТОЛЕТИЯ

Ю.С. ХОХЛОВА

*Нижегородский
государственный
технический университет
им. Р.Е. Алексеева*

e-mail: khohlova@pochta.ru

В статье реконструируется идеальный образ государственного служащего при французском дворе XVII столетия. Основу анализа составили материалы «Политического завещания» кардинала Ришелье и «Инструкций» генерального контролёра финансов Кольбера. Сравнительный анализ данных источников позволил выявить сложную, многоплановую эволюцию в представлениях об идеальном королевском служащем, а также своеобразие этих воззрений в исследуемый период.

Ключевые слова: королевский двор, служащий, государство.

Благодаря обновлению политической истории, феномен власти, после некоторого забвения в XX столетии¹, вновь составляет значимую часть современных исследований медиевистов. В свою очередь, обращение отечественных учёных к проблеме «властвования» возрождает научную привлекательность темы монаршего двора. «Сегодня, – как отмечает Н.А. Хачатурян, – изучение двора и его роли в социально-политической, экономической и культурной жизни общества периода Средневековья и раннего Нового времени стало одним из наиболее актуальных направлений в мировой исторической науке последних десятилетий»². Среди европейских дворов раннего Нового времени особое место занимал французский, поскольку для остальных он являл собой эталон придворной жизни. Учитывая, что в последнее время в исторической науке явственно обозначился поворот к проблематике, относящейся к исследовательским приоритетам обновленной социальной истории и исторической антропологии, в теме монаршего двора Франции XVII столетия особый интерес представляют социальные и личные связи внутри придворного общества, ментально-психологические черты вельмож и королей, повседневный быт аристократии, межличностные взаимоотношения между придворными. Оставаясь в русле данной проблематики, в предлагаемой статье нам хотелось бы уделить внимание персоне придворного/королевского государственного служащего³/оффисье⁴ XVII столетия. Не претендуя на охват всех возможных аспектов образа такого человека двора, мы попытаемся выявить наиболее существенные его социопсихологические характеристики в системе ценностных ориентаций французской аристократии. Вместе с тем, важ-

¹ См.: Ле Гофф Ж. Является ли политическая история по-прежнему становым хребтом истории? // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 179.

² Хачатурян Н.А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. Вып. 1. М.; СПб., 2001. С. 11-13.

³ Согласно исследованиям Ж.-Ф. Сольнона, к придворным/королевским государственным служащим относились высшие должностные лица Франции: коннетабль (connétable), канцлер (chancelier), государственные секретари и министры (советники). См.: Solnon J.-F. La cour de France. P., 1987. P. 14.

⁴ Должностных лиц во Франции, которые состояли на государственной службе, В.Н. Малов считает правильным называть не «чиновниками», как укоренилось в историографии, а «оффисье». В слове «чиновник», по его мнению, ясно звучит русский корень «чин», а чин жалуются верховной властью за заслути или по выслуге лет. В отличие от французских должностей, он не продается, не покупается и не наследуется. Кроме того, чины составляют общегосударственную иерархию, определяемую «табелью о рангах», которой во Франции при существовании рынка должностей не было. См.: Малов В.Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 100-102.

ным ракурсом исследования для нас будет являться рассмотрение динамики, эволюции представлений знати о качествах идеального королевского оффисье, так как воззрения, которые мы попытаемся проанализировать, возникли в, пожалуй, самый интересный период истории французского двора: время усиления королевской власти и перемен в социальном составе двора⁵, время, когда в сознании элиты постепенно исчезало представление о единстве военной и гражданской сферы деятельности⁶, – словом, время, события которого не могли не вызвать трансформации идей аристократии об идеальном государственном служащем двора.

Наиболее интересными и важными произведениями, в которых представлены рассуждения о том, какими качествами нужно было обладать, как себя вести, какие обязанности выполнять должностному лицу двора, являются «Политическое завещание» кардинала Ришелье и «Инструкции»⁷ маркизу Сеньоле Кольбера. Эти нарративные источники ценны тем, что, с одной стороны, они фиксируют авторские воззрения, а с другой – в наиболее типичных чертах и характеристиках позволяют судить о представлениях большей части французской придворной аристократии об образцовом королевском оффисье. Понятно, что высказывать абсолютно «независимые» суждения об идеальном государственном служащем ни Ришелье, ни Кольбер не могли, поскольку их интересы были непосредственно связаны с интересами двора и власти. Значимость выбранных источников также обусловлена и тем, что сочинения появились в разные периоды истории развития французского государства и двора. Если «Политическое завещание» было создано в эпоху Людовика XIII (примерно с 1637–1642 гг.) – время укрепления абсолютизма и формирования придворного общества, то «Инструкции» были написаны уже в принципиально иной период истории Франции (1670–1676 гг.) – в правление Людовика XIV, с личностью которого связана успешная политика административной централизации страны и расцвет придворной жизни. Исходя из того, что эти источники появились в разное для истории двора и государства время, мы, очевидно, сможем, анализируя их, судить о том, насколько устойчивыми оказывались те или иные взгляды и представления, а также проследить за эволюцией этих воззрений на протяжении XVII столетия.

В ходе изучения произведений Ришелье и Кольбера, обращает на себя внимание тот факт, что достаточно конкретные и требовательные наставления кардинала и генерального контролёра финансов обращены не ко всем королевским оффисье, а лишь к государственным советникам как, например, у Ришелье; к государственному секретарю и одновременно к дипломату – у Кольбера. Казалось бы, речь может идти только об отдельных категориях должностных лиц при дворе. Однако не будем забывать, что любое предписание – культурно-специфично и является производным от более общих норм культуры. Поэтому наставления и Ришелье, и Кольбера содержат требования, которые, в общем, предназначены для людей, состоявших на службе в гражданском доме короля. Лишним доказательством является и то, что в инструкциях маркизу Сеньоле Кольбер никак не подчеркивает и не выделяет, что он обращается к сыну исключительно как к дипломату или как к государственному секретарю.

Приступая к анализу представлений министров об образцовом придворном оффисье, отметим единую логику их рассуждений. Сначала Ришелье и Кольбер, преимущественно, уделяют внимание мотивации поступков идеального государственного служащего, а затем – его качествам и поведению. В отношении того, чем должен был руководствоваться придворный оффисье в своих действиях, Ришелье и Кольбер проявляли единодушие. Как и кардинал, генеральный контролёр финансов полагал,

⁵ Подробно об этом см.: Thierry A. Essat sur l'histoire de la formation et des progres du Tiers État. P., 1853. P. 192, 196-197.

⁶ Об этом см.: Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002.

⁷ Маркиз Сеньоле – старший сын Ж.-Б. Кольбера, дипломат, с 1689 г. государственный секретарь по делам флота и член Совета.

что государственному служащему следовало «добиваться уважения и стремиться к хорошей репутации»⁸. Примечательно, что в словаре А. Фюретье (1690 г.) слова «почтение», «добрая слава/хорошая репутация» используют в определении понятия «честь» («honneur»)⁹. Это наталкивает на мысль о том, что в восприятии министров королевский оффисье, совершая какой-либо поступок, не должен был забывать о главном конституирующем элементе дворянского общества – чести.

По мнению Ришелье и Кольбера, одним из качеств, благодаря которому придворный оффисье мог быть удостоен чести, являлось усердие. «Оно, – как считал кардинал, – требует, чтобы тот человек, чья жизнь была связана с государственной службой, уделял большую часть своего времени делам и был привязан к ним разумом, мыслями и чувствами; оно требует, чтобы самым большим удовольствием для такого человека был успех его деятельности»¹⁰. Кольбер фактически вторил словам кардинала, когда писал сыну, что «он [маркиз. – Ю.Х.] должен тщательным образом прочитывать все правила, инструкции, которые ему даны и старательно следовать им, так как от их выполнения зависят государственные интересы»¹¹. Таким образом, указывая на прилежание как одно из главных качеств придворного оффисье, министры полагали, что заслужить честь нужно трудом. При этом, Ришелье считал, что такой труд не должен быть непрерывным, ибо «характер государственных дел таков, что требуется отдых»¹². Генеральный контролёр финансов, наоборот, наставлял сына постоянно размышлять над тем, что «сделано, и что предстоит сделать»¹³.

Отправляя маркиза в заграничные поездки по Италии, Кольбер настоятельно советовал ему знакомиться с влиятельными дворянами, интересоваться особенностями местного этикета, традициями. Также Сеньоле необходимо было получить чёткое представление о том, как принимались политические решения в Италии: кто из аристократической верхушки вносил предложения, к чьему мнению прислушивались, и как разрешались конфликты. Чтобы выполнить все поручения отца, вполне очевидно, что маркизу следовало быть очень трудолюбивым. Тому, что генеральный контролёр финансов настаивал на большем и постоянном старании в работе, нежели Ришелье, можно дать несколько объяснений. С одной стороны, с усилением борьбы за королевские милости аристократ должен был постоянно доказывать монарху, что он, более чем остальные, достоин обладать той или иной привилегией или королевской милостью. Соответственно, усердие в совокупности с трудолюбием на службе получали принципиальное значение. С другой стороны, положение о трудолюбии можно расценивать как следствие социального происхождения Кольбера¹⁴, который мог непосредственно проецировать буржуазные ценности на придворно-аристократическое пространство.

К неотъемлемой составляющей идеального образа королевского оффисье Ришелье также относил способность к занятию государственными делами. Под ней он подразумевал «доброту, крепость рассудка, здравомыслие, общее знание истории и современное состояние всех государств на свете, а особенно своего собственного», а также скромность и сдержанность, ибо «благоразумнее говорить мало, а слушать много, так как пользу можно извлечь из разных советов»¹⁵. Наставлениям Ришелье во многом оказались созвучны требования Кольбера. Например, обращаясь к марки-

⁸ Colbert J.-B. *Ire partie, Marine et galères // Lettres, instructions et mémoires de Colbert: en 7 t. / Par P. Clément. P., 1870. T. 3. P. 29, 49, 60.*

⁹ Furetière A. *Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts. 3 t. in 1 t. Rotterdam. [s.d.]. P. 1036-1037.*

¹⁰ Richelieu A.-J. *Op. cit. P. 220.*

¹¹ Colbert J.-B. *Op.cit. P. 29.*

¹² Richelieu A.-J. *Op. cit. P. 219.*

¹³ Colbert J.-B. *Op.cit. P. 149.*

¹⁴ В отличие от кардинала, который происходил из знатной дворянской семьи, генеральный контролёр финансов родился в семье реймского купца и имел предков-купцов в четырёх поколениях.

¹⁵ Richelieu A.-J. *Op. cit. P. 207-210.*

зу, он писал, что перед выполнением любого поручения сыну следует «хорошенько поразмышлять над тем, как это поручение выполнить»¹⁶, быть сдержанным в чувствах и на словах, т.е. «не поддаваться мимолетной любви и не совершать других ошибок, которые появляются из-за человеческого искушения... не говорить попусту и много»¹⁷. Но, вместе с этим, рассуждения генерального контролёра финансов были дополнены и определенными новациями. В отличие от Ришелье, Кольбер полагал, что аристократ, состоявший на королевской службе, должен иметь не поверхностные, а специальные знания и умения в конкретной сфере государственного управления. Иными словами, для придворного оффисье, по мнению генерального контролёра финансов, была важна компетентность. Именно поэтому в «Инструкциях» Кольбер настаивал не только на особой заботе сына о создании благоприятных внешнеполитических отношений Франции с Италией, но и вменял в обязанность быть в курсе всех, как прежних, так и нынешних дел подопечного Сеньоле морского ведомства: «Надо прочитывать все правила и постановления, касающиеся морских дел, посмотреть все договоры, заключенные с иностранными государствами, и стать полностью сведущим в этом деле»¹⁸. То, что Кольбер настаивал на компетентности королевского оффисье, имеет (как и в случае с трудолюбием) несколько объяснений. Возможно, это было связано с повышением престижа грамотности, образования в XVII в.¹⁹. Не исключено и то, что представления о профессионализме явились своего рода реакцией на действия Людовика XIV, который, несмотря на титулы и ранги вельмож, отстранял от должности тех, кто не был достоин своего места. Причина могла крыться и в происхождении Кольбера, который, как уже отмечалось, мог осознанно или нет «переносить» нормы буржуазной этики в придворное общество.

Другим важным качеством для придворного государственного служащего, как полагал Ришелье, должно было являться мужество. Для кардинала оно не было тождественно храбрости, ибо последнее «предполагает наличие у человека склонности охотно подвергать себя при любом случае встречающимся опасностям, чего мужество не требует»²⁰. Мужество «требует, чтобы человек был лишен слабости и страха при принятии правильных решений во благо общества; ...требует некоего воодушевления, которое заставляет желать и добиваться высоких свершений; ...требует твердости, которая помогает переносить несчастья»²¹. В «Инструкциях» Кольбера упоминания о таком качестве мы не найдем. Одна из причин этого, скорее всего, заключалась в политической конъюнктуре 20–40-х гг. XVII столетия. Усиление власти кардинала, как известно, привело к сильному недовольству со стороны некоторых представителей элиты двора, которые организовывали заговоры и мятежи против кардинала. Ришелье потребовалось немало сил, чтобы не сдаться и сломить враждебную ему клиентелу. Поэтому в условиях ожесточенной борьбы за власть, «мужество», в том значении, в каком его понимал Ришелье, имело для государственного советника не последнее значение. И более всего оно требовалось первому министру, на которого возлагалась полная ответственность за проводимую политику в стране. При Людовике XIV должность первого министра была ликвидирована, возможность вести борьбу за власть уже не допускалась. Соответственно и надобности придворному оффисье иметь «мужество», о котором говорил Ришелье, просто не возникало.

Среди других качеств, которые требовались идеальному придворному оффисье, кардинал также выделял честность/порядочность (*probité*), которая должна была проявляться в неукоснительном соблюдении божьего закона и следовании закону, предписанному человеческой честью²². Иными словами, должностному лицу двора

¹⁶ Colbert J.-B. Op.cit. P. 7.

¹⁷ Ibid. P. 60.

¹⁸ Ibid. P. 151.

¹⁹ См.: Avenel G. La noblesse française sous Richelieu. Étude d'histoire social. P., 1901. P. 330-359.

²⁰ Richelieu A.-J. Op. cit. P. 218.

²¹ Ibid. P. 217.

²² Ibid. P. 210.

следовало быть «беспристрастным в своих советах»²³, строгим, но не суровым, «не думать о личных интересах в ущерб государственным»²⁴, «никогда не мстить за нанесенные ему обиды»²⁵, «преданно служить королям и выносить напраслину, возводимую на порядочных людей клеветниками»²⁶ и, вместе с тем, «порядочность/честность государственного советника должна быть деятельной, она презирует жалобы и ставит перед собой... задачи, от выполнения которых общество может получить пользу»²⁷. По сути, Ришелье сводил представление о порядочности идеального государственного служащего к трём видам добродетелей: христианской, моральной и верноподданнической.

В «Инструкциях» генеральный контролёр финансов высказал схожие идеи. Кольбер хотел, чтобы маркиз принял «решение быть *honnête homme*»²⁸²⁹. Это позволило бы Сеньоле хорошо исполнять свой долг перед Богом (поступать по совести) и обществом³⁰. Как и Ришелье, Кольбер полагал, что придворный оффисье должен действовать во благо общества. Однако, исходя из этого, не приходится говорить, что министры среди значимых добродетелей идеального государственного служащего выделяли и гражданское благочестие. В одном из своих исследований Л.А. Пименова отметила, что в XVII столетии ещё не существовало разграничений в понятиях «король» – «государство», «король» – «общее благо»³¹. Поэтому, говоря о необходимости придворному оффисье выполнять свой долг перед обществом, по сути, министры вели речь о верноподданнических добродетелях.

Идеи Ришелье и Кольбера о качествах и поведении идеального придворного оффисье очевидны также из их размышлений над проблемой отношений между монархом и должностным лицом двора. Кардинал полагал, что такие отношения должны были удовлетворять четырём условиям. Первое заключалось в том, что «Его Величеству следует им [советникам. – Ю.Х.] доверять, а советникам знать, что им доверяют»³². В противном случае «они не станут высказывать своего мнения и их молчание будет вредно»³³. Второе условие логично возникло из первого: «Вашему Величеству следует внушить им, что они должны откровенно говорить с Вами и что могут делать это ничего не опасаясь»³⁴. Третье, «Вашему Величеству следует проявлять к советникам большую щедрость, с тем, чтобы они были уверены, что их служба не останется без награды»³⁵. Наконец, четвертое, «...следует одобрять действия советников и открыто поддерживать их, дабы они были уверены, что им нет нужды бояться интриг или опасаться влияния тех, кто хотел бы их погубить»³⁶. На наш взгляд, через соответствующую модель поведения монарха, которая, как известно, всегда имела для придворной аристократии большое морально-психологическое значение, Ришелье показал, что для образцового государственного служащего был важен «корпоративный дух», который следовало воплощать в доверии, откровенности и содействии.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid. P. 212.

²⁵ Ibid. P. 214-215.

²⁶ Ibid. P. 215.

²⁷ Ibid. P. 213.

²⁸ О значении «*honnête homme*» см.: Хохлова Ю.С. «*Honnête homme et honnête femme*»: французские моралисты и мемуаристы о добродетельных придворных XVII века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. Вып. 9. Белгород, 2009. № 1 (56). С. 39-44.

²⁹ Colbert J.-B. Op.cit. P. 1.

³⁰ Ibid. P. 1-2.

³¹ Пименова Л.А. Образцовый подданный французской монархии // Монархия и народовластие в культуре Просвещения / Отв. ред. Г.С. Кучеренко. М., 1995. С. 189-191.

³² Richelieu A.-J. Op. cit. P. 232-233.

³³ Ibid. P. 233.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid. P. 234.

³⁶ Ibidem.

Со временем тема корпоративного единства в сфере власти станет менее значимой. В «Инструкциях» Кольбера, в которых, как в завещании Ришелье, нашли отражение не только авторские взгляды, но и, в целом, представления французской придворной элиты, корпоративность найдет свое выражение лишь в идее о послушании. Так, генеральный контролёр финансов увещевал сына в том, что при обсуждении дел с королем обязательно «свидетельствовать о своей верности и своем усердии, для этого старательно и ответственно выполняя свои обязательства»³⁷, «показать знание своего дела»³⁸ «внимательно выслушивать всё то, что скажет король... и выполнять в соответствии с волей Его Величества»³⁹, «остерегаться споров, умея держать язык за зубами»⁴⁰.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что проанализированные источники отражают сложную, многоплановую эволюцию идеального образа придворного/королевского оффисье. Если в представлениях Ришелье, аристократу для занятия государственными делами достаточно было иметь немного таланта и общих знаний по истории, то в восприятии Кольбера, необходимыми для такого придворного качествами являлись трудолюбие и компетентность. Кроме этого, в отличие от генерального контролёра финансов, кардинал полагал, что важными для должностного лица были качества, благодаря которым поддерживалась корпоративная солидарность представителей власти. Вместе с тем, рассмотренные поведенческие идеалы содержали в себе и те элементы (определённые христианские, моральные и верноподданнические добродетели), которые являлись своеобразными родовыми признаками людей дворянского сословия. С одной стороны, это говорит о высоком престиже поведенческих моделей, ранее сформировавшихся в аристократическом обществе, с другой – о том, что, несмотря на социально-политические и культурные по своему характеру трансформации, в XVII столетии при дворе сохранялись прежние «жизненные условия», которые когда-то эти идеалы и породили.

«TO BE IN KING'S SERVICE...»: TOWARDS THE IMAGE OF THE IDEAL OFFICIAL OF THE FRENCH COURT IN THE XVII CENTURY

Yu.S. KHOKHLOVA

*Nizhniy Novgorod State
Technical University
n.a. R.Y. Alekseev*

e-mail: khokhlova@pochta.ru

In the article, the ideal image of the official is reconstructed under the French court of the XVII century. The analysis basis was made by materials of «Political testament» of cardinal Richelieu and «Instructions» of the general controller of finance Colbert. The comparative analysis of the data sources has allowed to reveal difficult, many-sided evolution in representations about the ideal royal official, and also an originality of these views during the specified period.

Key words: king's court, official, state.

³⁷ Colbert J.-B. Op.cit. P. 149.

³⁸ Ibid. P. 150.

³⁹ Colbert J.-B. Op.cit. P. 149.

⁴⁰ Ibid. P. 150.